

Крупные группы российского империализма

Свидетель возрождения и стагнации экономики “новой России”

ЛУКОЙЛ – крупнейшая частная и одна из важнейших групп российского империализма. В 2016 году “Коммерсантъ Власть” писал: *«В истории компании как в зеркале отражены этапы становления и развития новой России»*.

Кроме того, ЛУКОЙЛ – одна из *немногих* российских групп, входящих в рейтинг “Fortune Global 500”, – 67 место в 2022 года. В том же году она добыла 81 млн т нефти и газового конденсата, что, как утверждает компания в последнем годовом отчёте, составляет чуть более 15 % от общероссийского объёма добычи, а на сайте ЛУКОЙЛ указано, что на мировом рынке на её долю *«приходится около 2 % [...] добычи нефти и около 1 % доказанных запасов углеводородов»*. Численность персонала компании по состоянию на 2021 год превышала 100 тыс. человек: 85 % из них заняты в России, 9,7 % в Европе, 2,7 % в Азии, 2,5 % на Большом Среднем Востоке и в Африке и 0,1 % в Северной Америке.

Посмотрим, как в “зеркале” отражались ключевые для российской буржуазии точки последних 30 лет: реструктуризацию 1990-х, “нефтяное чудо” 1-й и кризис 2-й половины 2000-х, падение мировых цен на нефть 2010-х, начало санкционной войны 2010-х и “горячей” войны 2020-х.

Пионер приватизации в нефтегазовом секторе

25 ноября 1991 года постановлением Совмина по инициативе первого замминистра нефтегазовой промышленности Вагита Алекперова был создан государственный нефтяной концерн “ЛангепасУрайКогалымнефть”, в состав которого вошли три сибирских объединения “Лангепаснефтегаз”, “Урайнефтегаз”, “Когалымнефтегаз” и нефтеперерабатывающие заводы в Перми, Волгограде, Уфе и Мажейкяе (Литва), а почти через год стартовала приватизация нефтегазового сектора, и с этого момента нужно вести отсчёт деятельности ЛУКОЙЛа как частной компании.

Как пишет профессор Джорджтаунского университета Тейн Густафсон в своей книге “Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России”, ЛУКОЙЛ был одной из компаний, *«которые первыми стали перестраиваться в вертикально интегрированные корпорации, первыми начали приватизацию и [...] добивались финансового контроля над [...] дочерними компаниями [...], успешнее всех остальных вели финансовые дела, избегали долгов и внешнего проникновения. Остальные, оказавшиеся менее расторопными, решительными или удачливыми, вскоре стали мишенью для поглощений»*.

В 1993 году было образовано ОАО “ЛУКОЙЛ”, которое на тот момент лишилось Мажейкяйского и Уфимского НПЗ, но приобрело сбытовые организации в Краснодарском крае, Волгоградской, Вологодской, Челябинской, Пермской, Кировской, Калининградской и др. областях.

Бесхозяйственность ложного социализма

Сталинистские и другие “национально-ориентированные” авторы часто занимаются моралистической, субъективистской критикой приватизации, преподнося её как разбазаривание “общественного достояния” и т. п. Нашей же школе, которая всегда отрицала тезис о социалистическом характере экономики СССР, ничто не мешает подойти к этому вопросу объективно.

Цикл послевоенных “экономических чудес” подталкивал ведущие промышленные державы к дальнейшему и беспрецедентному объединению частей мирового рынка, включая относительно отсталые регионы, и адекватной этой цели либеристской политике. На 1970-е – 1990-е годы приходится цикл реструктуризации ведущих экономик мира, к каковым относился и СССР, т. е. происходит замена устаревшего оборудования и управленческих схем, ликвидация неэффективных по меркам мирового рынка предприятий, трансформация структуры экономики в современный вид (теперь крупную роль начинает играть сфера услуг) и т. д. Этот процесс развивался неравномерно и, в условиях империалистической конкуренции страны, опоздавшие с проведением реструктуризации, неизбежно должны были столкнуться с отложенными издержками – экономическим шоком и т. д. Константой

межимпериалистического противостояния является гонка за конкурентоспособность, и во второй половине 80-х годов правящий класс СССР, понимая собственное отставание, был вынужден ускорить этот процесс. “Катастрофические” результаты этого “реформирования” – лишь отражение реальной, то есть проверяемой мировым рынком, конкурентоспособности “советских” предприятий, действительного места в мировом разделении труда, степени задержки реструктуризации и уровня накопившихся к тому времени внутренних структурных проблем. Особенно показательна в этом плане нефтяная отрасль.

Густафсон, ссылаясь на доклад *“Petroleum Equipment and Service Needs of the CIS”* профильной консалтинговой компании Spears & Associates, пишет: *«специалисты в отрасли, приехали на промыслы и опросили десятки российских и иностранных нефтяников. Их детальный отчёт рисует картину полного хаоса, царившего в отрасли. Почти по всему спектру операций в нефтегазовой отрасли [...] производительность российских нефтяников [была] 10–30 % от западного уровня. Кое-где россияне отставали на полвека».*

Российский правящий класс столкнулся с серьёзным вызовом: он должен был выдвинуть людей, которые смогли бы воплотить так необходимую ему реструктуризацию.

“Плавильный котёл” Западной Сибири

Одним из таких людей стал будущий глава ЛУКОЙЛа Вагит Алекперов. Его восхождение началось на западносибирских месторождениях, которые в 1970–1980-х годах были настоящим “плавильным котлом”: бурильщики вербовались из “старых” нефтяных регионов – Украины, Поволжья, Прикаспия. Таким же разнообразным был и высший слой: геологи, инженеры и начальники. Тут сделали карьеру и многие нефтяники – выходцы из мусульманских республик, такие как и сам Алекперов, который ни разу не был в России до конца 1970-х годов.

Он сумел обратить на себя внимание влиятельной фигуры – замминистра нефтяной промышленности Валерия Грайфера, который в 1986 году назначил его руководителем работ в Когалыме. Уже в 1990 году, снова при поддержке Грайфера, Алекперова в обход десятков более высокопоставленных чиновников направляют в Москву, где он занимает должность замминистра нефтяной и газовой промышленности СССР.

“ЛУКОЙЛ всегда поддерживался, поддерживается и будет поддерживаться властями”

Так Алекперов стал одним из “нефтяных генералов”. Большинство из них, являясь типичным продуктом номенклатуры, уже к концу 1990-х годов было отстранено от руководства главными нефтяными компаниями. Судьба Алекперова была иной, поскольку, обладая деловой хваткой, он понимал, *«как обращать [нефть] в деньги»*. Но с другой стороны, пишет Густафсон, в отличие от частных акул новой формации, например, Ходорковского, Алекперов *«никогда не пренебрегал государственными структурами, даже когда они были [...] слабыми»*: *«“Мы не хотим терять связь с государством”, – сказал он журналисту в 1996 г., и в этих словах – суть его позиции, неизменной на протяжении 1990-х гг.»*. И государство отвечало взаимностью: министр топлива и энергетики РФ Юрий Шафраник, выступая на собрании акционеров в апреле 1995 года, открыто заявил, что проекты ЛУКОЙЛа всегда поддерживались, поддерживаются и будут поддерживаться властями. Умение Алекперова балансировать между двумя этими полюсами и стало его визитной карточкой и одним из факторов первоначального успеха и делового долгожительства.

Именно благодаря тесным связям с правительством, в том числе с Шафраником и Госкомимуществом, ЛУКОЙЛу удалось превратить приватизацию бывшего государственного предприятия в контролируемый процесс: Алекперов добился разрешения провести “интегрированные” аукционы, на которых акции материнской и дочерних компаний выставлялись одновременно и под наблюдением ЛУКОЙЛа и НИКОЙЛа. Это позволило ЛУКОЙЛу успешно противостоять попыткам локальных предприятий приватизироваться самостоятельно. Тем самым группа смогла не упустить власть на начальных этапах приватизации.

Параллельно был создан инструмент для сосредоточения наличных в руках корпорации – “Финансовая компания «ЛУКОЙл»”, получившая право собственности на сырую нефть,

добываемую предприятиями группы, которую затем перерабатывали на её заводах, продавая готовые нефтепродукты оптовым торговцам, сохраняя право собственности на промежуточные продукты. Наладив эту систему, ЛУКОЙЛ приступил к следующему этапу централизации власти и в 1995 году произвёл обмен акциями с дочерними предприятиями, предложив им хорошие условия. Таким образом Алекперов установил полный контроль над всей структурой ЛУКОЙЛа и наконец смог сделать последний шаг – превратить дочерние предприятия в подразделения единой централизованной корпорации. Группа достигла зрелости, первой превратившись в вертикально-интегрированную нефтяную компанию, контролирующую все этапы технологического процесса: от добычи ресурсов и переработки до маркетинга и продажи готового продукта конечному потребителю. Позже его примеру последовали и остальные крупные компании, приведя структуру нефтяной промышленности России в соответствие с мировыми стандартами, тогда как в СССР отдельные звенья технологической цепочки принадлежали различным ведомствам, что негативно сказывалось на эффективности отрасли в целом.

Однако отношения частного и государственного капитала далеко не всегда складывались так комплементарно, как в случае с ЛУКОЙЛом, иногда доходя до прямого столкновения (“Дело ЮКОСа”). В период 1999–2004 годов, часто называемый “нефтяным бумом”, когда восстановился объём нефтедобычи и стали расти цены на нефть, было положено начало битве между государственными и частными фракциями за возросшую нефтяную ренту, не оконченной до сих пор. По мере своего укрепления государство стало стремиться к увеличению доли в непредвиденных прибылях от повышения цен на нефть и в итоге вернуло себе значительную часть нефтяной ренты и часть самой нефтяной промышленности. Последуем за синтезом Густафсона: *«[Без] начавшегося [...] роста нефтяных прибылей политические ставки были бы не столь высокими, намерения частного сектора не такими амбициозными, а реакция государства не настолько жёсткой. Именно нефтяной бум [...] сделал олигархов [...] мультимиллиардерами и помог [...] неудавшемуся банкиру [Ходорковскому] стать настолько богатым и влиятельным, что тот решил замахнуться на власть во всём государстве. С другой стороны, тот же нефтяной бум поставил на ноги бессильную и безденежную центральную власть, а Владимиру Путину, который стал премьер-министром [...], когда началось возрождение нефтяной отрасли, предоставил средства для восстановления федеральных управленческих и силовых структур. [...] Не получи Путин дополнительных средств, он, возможно, не сумел бы так быстро и эффективно обуздать власть губернаторов на местах и завоевать преданность правоохранительных, армейских и других элит».*

Начинались десятилетия “путинской России”, и отлично вписавшийся в неё ЛУКОЙЛ в середине первого из них поставил перед собой новую задачу – в наступающем XXI веке стать одним из лидеров мировой энергетики.

Июнь 2023 г.